

18+

Константин Куликов

Теорема крови

Константин Куликов

Теорема крови

«Издательские решения»

Куликов К. Б.

Теорема крови / К. Б. Куликов — «Издательские решения»,

«Теорема крови» — это мрачный фэнтези-детектив влучших традициях нуара, где магия подчиняется строгим законам математики, а главный герой вынужден использовать свой холодный ум как оружие. Это история о семейных тайнах, погребённых под пеплом прошлого, о государственном заговоре, корни которого уходят в последнюю войну, и о человеке, который обнаруживает, что тьма живёт не только в его врагах, но и в нём самом.

© Куликов К. Б.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	15
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Теорема крови

Константин Борисович Куликов

© Константин Борисович Куликов, 2026

ISBN 978-5-0070-9425-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

В последний день весны в Школе Прикладной Ритуалогии принимали государственный экзамен по теории ритуальных коллапсов.

Большая мраморная зала без окон, выложенная чёрно-белым шашечным полом, гудела, как улей. Газовые рожки на стенах шипели и мерцали, бросая желтоватые блики на согнутые спины тринадцати будущих выпускников — тех, кому со всего потока выпала честь (или участь) сдавать экзамен последними, фактически в день выпускного бала.

Экзамен длился уже седьмой час, и воздух в зале сделался тягучим, как патока, — пропитанный потом, меловой пылью, запахом остывшего кофе из фляжек и тем особым, едва уловимым металлическим отзвуком, который появляется только там, где долго работают с кровью. Хотя сегодня крови не было. Сегодня была только теория.

Студенты расположились по периметру залы, каждый на своём участке гладкого гранитного пола, расчерченного на квадраты для удобства построения диаграмм. Позы у всех были разными, и по этим позам, как по открытой книге, можно было читать их характеры и судьбы.

В дальнем левом углу деканский любимчик Альберт Суизл — дородный юноша с рыжими баками и золотым перстнем практика второй степени на мизинце — чертил свою диаграмму размашисто, почти небрежно. Он постоянно отрывался от работы, чтобы оглядеть зал, и на губах его играла самоуверенная улыбка. Суизл знал, что его дар унаследован от отца-сенатора, и все происходящее было лишь формальностью. Экзамен он провалить не мог — даже если бы начертил вместо диаграммы детский рисунок.

Рядом с ним, сжавшись в комок и почти касаясь носом пола, сидела Мира Белльвью — худенькая девушка в поношенной мантии, что могла претендовать лишь на самое низкое клеймо практика из возможных. Её пальцы дрожали, когда она вела циркуль по параболической кривой, и на щеке чернела полоса от размазанного мела. Мира была пугалом курса — дар у неё проснулся поздно и оказался до смешного слабым, едва достаточным для активации простейших бытовых диаграмм. Но она старалась. Острее всех. Отчаяннее всех. И эта отчаянность была написана на её лице — сером, измождённом, с тёмными кругами под глазами.

В центре, заняв самый выгодный пятачок под ярким светом центральной люстры, расположилась компания практиков из старых семей. Они переговаривались шёпотом, перебрасывались рейсфедерами, и их диаграммы росли медленно, потому что половину времени они тратили не на расчёты, а на поддержание видимости работы. Их уверенность была показной — каждый знал, что за ним стоит родовая магия, связи и деньги. И каждый втайне боялся, что сегодня этого окажется недостаточно.

А по краям, в тени, куда почти не доставал свет газовых рожков, разместились пустые. Те, кто в принципе не мог активировать ни одного ритуала. Их было семеро из тринадцати. Чёрные мантии без серебряной вышивки. Их никто не прикрывал. Никто не вложил в их обучение лишней монеты. Они были здесь только потому, что прошли жесточайший конкурс, доказав, что их ум острее, чем дар любого практика. И сейчас они работали так, словно от этого зависела их жизнь. Потому что так оно и было.

Но даже среди них выделялся один. Его нельзя было назвать самым высоким или самым заметным — скорее наоборот. Он держался особняком даже от других пустых, расположившись в самом тёмном углу залы, у стены, где штукатурка пошла пузырями от сырости. Когда остальные студенты разложили инструменты веером — циркули, транспортиры, лекала, наборы цветного мела — у него на потёртой чертёжной доске лежало только самое необходимое: простой грифель, ластик и один-единственный треугольник. Потёртый, со сбитыми углами, видавший виды.

Он не надел форменную тужурку — поверх рубашки темнел лишь старый шерстяной жилет, застёгнутый на все пуговицы, хотя в зале было душно. Рукава рубашки были закатаны до локтя, обнажая худые, жилистые предплечья. На левом, чуть выше запястья, темнел ремешок из чёрной кожи — единственная деталь, которая не вписывалась в аскетичный образ.

Лица в полутьме было почти не разобрать. Только когда студент наклонился к доске, газовый рожок у стены бросал слабый блик на бледную кожу и острый подбородок. Но даже этого блика хватало, чтобы заметить главное: он не смотрел по сторонам. Ни на Суизла с его размашистыми жестами. Ни на Миру, которая уже второй час билась над одним сегментом. Ни на шепчущуюся компанию в центре. Он смотрел только на свою диаграмму.

И это было странно. Потому что диаграмма у него была... никакой. В том смысле, что на первый взгляд на его доске не было ничего, кроме хаотичного наброска. Несколько кри-вых линий. Рой мелких значков, похожих на следы насекомых. И ни одного завершённого узла. Если бы кто-то из профессоров подошёл к нему сейчас, он бы пожал плечами и поставил «неудовлетворительно».

Но никто не подходил. Потому что профессора знали: этот студент работает иначе. Он не чертит диаграмму. Он её собирает — как часовщик собирает механизм, не глядя на готовые детали. Каждый его штрих был выверен до миллиметра, каждая линия продолжала предыдущую с математической точностью, а значки, казавшиеся хаотичными, складывались в стройную систему, которую могли прочесть только посвящённые. Он строил диаграмму не снаружи внутрь, как все, а изнутри наружу — от ядра к периферии, от смысла к форме.

Это было гениально. Это было безумно. И это было запрещено правилами экзамена.

Но он всё равно делал. Потому что ему было плевать. Решение задачи было важнее придуманных кем-то правил.

Иногда студент замирал, уставившись в одну точку на диаграмме, и тогда его пальцы начинали выстукивать по колену короткий, отрывистый ритм. *Тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук.* Экзаменаторы замечали это и переглядывались. Старший экзаменатор, лысый сигиллярый с дрожащими веками и клеймом на шее, однажды сказал про этот стук: «Он считает. Но не числа. Он считает вероятности».

Сейчас, на седьмом часу экзамена, когда у остальных студентов уже дрожали руки иплыли перед глазами, он продолжал работать в том же темпе. Ни быстрее, ни медленнее. По его лицу невозможно было определить, устал он или нет — черты оставались неподвижными, как маска. Только иногда, когда никто не смотрел, он проводил языком по губам — и тогда становилось видно, что они пересохли и потрескались. Он не пил уже много часов. Не ел. Не поднимал головы от доски. Он забыл о еде. Он забыл о воде. Он забыл о времени. Он забыл, что в зале есть кто-то ещё. Он вообще забыл обо всём, кроме диаграммы. Которая росла, дышала, жила своей жизнью на потёртой чертёжной доске в пыльном углу мраморной залы.

А когда он наконец оторвал грифель от бумаги и выпрямился, оказалось, что все остальные ещё работают. Никто не закончил. Никто даже не приблизился к финалу. Он закончил первым. Закончил, хотя задача считалась невыполнимой.

Старший экзаменатор, профессор Корвус, кряхтя, поднялся со своего места. Это был лысый сигиллярый с дрожащими веками и клеймом третьей степени на шее — старым, выцветшим, но всё ещё действующим. Он шёл через залу медленно, и его шаги гулко отдавались от мраморного пола. Студенты поднимали головы. Суизл ухмыльнулся, предвкушая зрелище. Мира Белльвью испуганно прикусила губу. Студент в углу не шелохнулся. Он просто смотрел на свою доску — так, словно всё ещё что-то проверял.

Корвус остановился у его стола. Склонился над диаграммой. И замер.

Тишина в зале стала абсолютной. Слышно было только, как шипят газовые рожки, да где-то далеко, за стенами Школы, лязгает по рельсам вечерний трамвай — железный скрежет, похожий на вскрик.

Профессор Корвус смотрел на диаграмму долго. Слишком долго. Его дрожащие веки застыли. Желваки на скулах напряглись. Пальцы, унизанные старческими пигментными пятнами, легли на край чертёжной доски — не прикоснуться, нет. Остановить дрожь.

Потому что он узнал эту диаграмму.

Не в точности — линии были другими, поворот на семнадцать градусов против часовой, иной порядок сопряжения узлов. Но ядро... Ядро было тем же самым, что он видел тридцать лет назад в подвалах военного министерства, куда его, молодого эксперта, пригласили консультировать проект особой государственной важности. Проект, все следы которого, как ему сказали, были уничтожены. Вместе с исполнителями. Вместе с подопытными.

И вот теперь этот мальчишка — тощий, бледный, пустой — сидит перед ним и смотрит снизу вверх серыми, абсолютно спокойными глазами. И на доске перед ним — не решение экзаменационной задачи. На доске перед ним — математическое доказательство того, что тот старый правительственный проект не был ошибкой. Он был началом.

Корвус сглотнул. Во рту появился металлический привкус — тот самый, какой бывает перед активацией сложной диаграммы. Или перед приговором.

— Элиан Вэнн, — произнёс он. Голос прозвучал глухо, непривычно тихо. Экзаменатор прокашлялся. — Вы решили её... хотя вообще-то задача задумывалась как нерешаемая... Целью экзамена была проверка мышления в ситуации неработающей диаграммы.

— Я не верю в неработающие диаграммы, — хриплым от обезвоживания, но абсолютно спокойным голосом ответил студент.

Профессор, казалось, не заметил, что его прервали и продолжал все тем же одновременно восторженным и испуганным голосом:

— Вы заменили все три разрыва фиктивными операторами. Вы математически доказали, что матрицу можно активировать кровью ребёнка, не достигшего полового созревания, безо всякого вреда для оператора, призвав для выполнения неопределённого действия — теоретически любого — просто безумное количество энергии... Вы только что создали — на бумаге — самый эффективный ритуал жертвоприношения за последние двести лет, изменив обычную, применяемую повсеместно компенсационную матрицу, призванную всего лишь нивелировать обрывки остаточных энергий от ритуалов...

Он замолчал. Дыхание сбилось.

Элиан моргнул.

— Да, профессор, — сказал он. Ровно. Без гордости. Без страха. Без чего бы то ни было. Констатация факта. Уравнение сошлось.

Корвус выпрямился. Посмотрел на диаграмму ещё раз. Потом на Вэнна. Потом снова на диаграмму. В висках стучало: «Ты знаешь, кто он. Ты знаешь, откуда он. Ты знаешь, что они соврали — проект не закрыли, проект просто спрятали, и теперь он сидит перед тобой, и у него твоя диаграмма, и если ты сейчас поставишь ему высший балл, ты собственными руками отправишь его прямиком в Третий отдел, где такие, как он, либо ломаются, либо...»

Он оборвал мысль. Потому что продолжение пугало его больше, чем всё, что он видел за сорок лет службы.

— Это чертовски пугает, Вэнн, — сказал он вслух, — но я вынужден поставить высший балл. — И, развернувшись, пошёл прочь — быстрее, чем следовало, стуча каблуками по мраморным плитам.

Элиан проводил его взглядом. Потом снова посмотрел на диаграмму. Она была правильной. Он знал это. Но впервые за четыре года он почувствовал что-то похожее на холод — тонкую ледяную иглу, скользнувшую вдоль позвоночника. Не от страха. От предчувствия. Словно уравнение, которое он только что решил, было лишь первой строкой в гораздо более длинной и тёмной теореме. И следующие строки ему только предстояло написать.

Он стёр диаграмму ластиком — тщательно, методично, не оставляя следов. И поймал себя на мысли, что делает это слишком хорошо. Слишком привычно.

* * *

Церемония выпуска проходила в Большом Атриуме Школы — огромном зале без единой прямой линии, где все стены были выгнуты, все переходы закруглены, а газетчики в шутку называли здание «Суповой тарелкой». Архитекторы прошлого века, одержимые магией пространства, спроектировали его так, что голос оратора, произнесённый шёпотом в центре Атриума, был слышен в самых дальних его уголках. Говорили, что это побочный эффект ритуала закладки — никто не планировал, оно само вышло. Но студенты знали: в Атриуме невозможно соврать. Акустика выворачивала ложь наизнанку и швыряла обратно в лицо говорившему.

В Атриуме собрались все сто два выпускника. Двадцать три из них — практики, обладатели дара. Остальные семьдесят девять — пустые. Пустые в чёрных мантиях. Практики — в синих, с серебряной вышивкой по воротнику: знак их способности чертить и активировать диаграммы.

Декан поднялась на трибуну, чтобы произнести традиционную речь. Атриум затих. Газовые рожки на стенах мерцали, выхватывая из полумрака золочёные капители колонн, портреты бывших деканов в тяжёлых рамах и лица — десятки лиц, обращённых к трибуне.

Декан была статной дамой — высокая, широкая в плечах, с осанкой кавалерийского офицера. Седина в рыжих волосах была единственной уступкой возрасту; во всём остальном декан Маргарет Торн напоминала натянутую тетиву. Её синяя мантия — глубокий ультрамарин, расшитый золотыми рунами, три ряда, что указывало на высший ранг, — струилась по гранитным ступеням, когда она поднималась на трибуну. На обеих ладонях, открытых для всеобщего обозрения, горели клейма — не простые оттиски на коже, а сложные переплетения линий, похожие на крошечные диаграммы, впаянные в самую плоть. Дар одновременной активации двух ритуалов делал её одной из самых опасных практиков в Империи. Но сегодня она была не практиком. Сегодня она была деканом.

— Выпускники, — громко сказала она.

Голос у декана Торн был низким, грудным — такой голос бывает у женщин, которые привыкли командовать и привыкли, что их слушаются. Он заполнил Атриум без усилий, без микрофонов и акустических чар. Просто прозвучал — и заставил всех поднять головы.

— Сегодня вы покидаете стены Школы. Кто-то из вас выйдет в мир, неся на своём теле знак Империи. — Она подняла левую ладонь, показывая клеймо. — Кто-то — неся в своей голове знание, которого боятся даже магистры. Но все вы, каждый из вас, с этого момента становитесь чем-то большим, чем просто студенты. Вы становитесь столпами нашего общества. Или его подпорками. Или молниями, что ударяют по нему с ясного неба. Как повезёт...

Она сделала паузу и обвела взглядом зал. Сначала синие мантии. Потом чёрные.

— Я обращаюсь к вам по отдельности. Сначала — к одарённым.

Практики в синих мантиях выпрямились. Альберт Суизл поправил золотой перстень. Девушка из рода Аскеров, красавица с высокой причёской, надменно вскинула подбородок. Кое-кто из наследников скучающе улыбался, ожидая привычных похвал в адрес древних родов.

Декан Торн не стала их разочаровывать. Но и не стала льстить.

— Вам, практики, Империя обязана своей мощью, — её голос стал громче, в нём зазвучали ноты, которых студенты не слышали за все четыре года. — Именно ваши деды и прадеды возвели стены Омфала ритуалами закладки, которые до сих пор ни один теоретик не смог повторить. Именно ваши отцы и матери удерживают границы провинций, активируя защитные матрицы седьмого порядка в условиях военного времени. Именно вы, те, кто стоит сейчас передо мной, продолжите эту традицию. Вы — кровь Империи. Без вас не было бы ничего. Ни газовых фонарей, освещающих наши улицы по ритуалу Вечного Огня. Ни водопровода, где

каждая труба защищена от коррозии простенькой, но гениальной сигиллой. Ни плодородных земель южных провинций, где крестьяне-практики каждую весну активируют диаграммы плодородия, без которых урожай превратился бы в пыль. Вы — основа. Вы — сила. Вы — будущее.

Практики заулыбались. Кое-кто даже выпрямился ещё больше, расправил плечи, словно уже примерял на себя доспехи государственного деятеля. Но декан ещё не закончила.

— Однако, — сказала она, и это «однако» повисло в воздухе, как лезвие гильотины. — Однако сила без предела — это тирания. Мощь без понимания — это безумие. Вы можете активировать диаграмму двадцать третьего порядка, потомки древних родов. Вы можете, как ваш дед, лорд Суизл, остановить наводнение одним движением пальца. Вы можете, как леди Аскер, перекрыть пространство комнаты так, что она станет больше внутри, чем снаружи. Но сможете ли вы ответить на вопрос: как и почему это работает? Сможете ли вы предсказать, где диаграмма даст трещину? Сможете ли вы увидеть тот момент, когда ваша сила перестанет быть благословением и станет проклятием для всех, кто вас окружает?

Она замолчала. В Атриуме стало тихо — настолько, что было слышно, как шипят газовые рожки.

— Не сможете, — ответила декан на свой вопрос. — Потому что для этого нужен не дар. Для этого нужны знания. — И она повернулась к чёрным мантиям. — А теперь — к вам, теоретики. Люди без магии в крови. Пустые. — В её голосе не было презрения. Наоборот — в нём появилось что-то новое, что-то похожее на уважение. Или на страх. — Вы не можете зажечь свечу ритуалом тепла. Вы не можете остановить кровотечение диаграммой исцеления. Вы не можете даже призвать ветер, чтобы проветрить эту душную залу. Вы слабы. Вы беспомощны. Вы — ноль в мире, где всё измеряется магией. — Она шагнула к краю трибуны. — И именно поэтому Империя нуждается в вас больше, чем в ком-либо другом.

Тишина стала абсолютной. Теперь даже практики перестали улыбаться.

— Вы — те, кто видит. — Декан Торн подняла руку, и клеймо на ладони слабо засветилось — произвольно, от волнения. — Вы видите ошибки там, где практики видят успех. Вы видите трещины там, где практики видят монолит. Вы видите диаграмму насквозь — не как набор линий и символов, а как живую систему, которая дышит, лжёт, обманывает, соблазняет. Вы видите истину. — Она перевела дыхание. — Вы — щит. Не в пафосном смысле, не в метафорическом. В прямом. Потому что когда какой-нибудь гениальный практик — может быть, даже кто-то из вас, синие мантии, — решит, что его сила позволяет ему переступить черту, кто его остановит? Другой практик с большей силой? Это война. Это резня. Это кровавое месиво, которое сметёт нашу страну до основания.

Она покачала головой и перевела дыхание.

— Нет. Его остановите вы. Теоретики. Потому что вы будете знать его ритуалы лучше, чем он сам. Вы будете знать, где он ошибся ещё на стадии чертежа. Вы будете знать, какая диаграмма его убьёт, а какая — разоблачит. Вы будете знать все его секреты — без единой капли крови. Вы — оружие, которого боится любой практик. Даже я.

Она посмотрела на свои светящиеся ладони и сжала их в кулаки. Свечение погасло.

— Но есть и другая сторона. Те, кто носит синие мантии, должны понять одну простую вещь. — Голос декана снова обратился к практикам, и теперь в нём не было ни капли лести. — Вы привыкли, что вам всё должны. Ваши семьи правят Империей. Ваши имена открывают любые двери. Ваши клейма — билет в высшее общество. Но за стенами Школы, в коридорах Департаментов, в залах судов, в кабинетах министров — там власть принадлежит не тем, кто может активировать самый сложный ритуал. Там власть принадлежит тем, кто знает закон. А закон для всех един. Для практиков с клеймом на лбу и для пустых из трущоб. Для наследников сенаторов и для сирот из богаделен.

Декан Торн посмотрела куда-то в третий ряд — туда, где в чёрной мантии, в тени колонны, стоял один выпускник. Тот самый, который закончил экзамен первым. Тот, на чьей чертёжной доске выросла невозможная диаграмма.

— Я знаю, что вы, синие мантии, думаете, — продолжила она, не отрывая взгляда от этого невзрачного студента в поношенном жилете. — Вы думаете: «Что этот пустой может нам сделать? Он даже свечу не зажжёт». И вы правы. Он не зажжёт свечу. Но он может доказать, что ваша свеча зажжена незаконно. Что ритуал, который вы использовали, нарушает статью сорок третью Уложения о бытовой магии. Что ваше клеймо подделано. Что ваша кровь — не ваша. И вы пойдёте под суд. Вы, наследник древнего рода. Вы, чей дед останавливал наводнения. Вы, чьё имя произносят с трепетом.

Она разжала кулаки.

— Потому что перед законом все равны. Даже магия.

Атриум молчал. Практики переглядывались. Кто-то побледнел. Кто-то, наоборот, покраснел от гнева. Альберт Суизл сжал перстень на мизинце так сильно, что побелели костяшки. Девушка из рода Аскеров опустила подбородок, впервые за вечер.

А тот студент в третьем ряду — тот, на кого смотрела декан, — не шелохнулся. Его серые глаза оставались пустыми. Он не покраснел. Не побледнел. Не сжал кулаки. Он просто стоял и слушал — и по его лицу невозможно было понять, что он чувствует на самом деле. И это отсутствие реакции было страшнее любого гнева.

Декан Торн отвела взгляд. Ей вдруг стало холодно, хотя в Атриуме было душно.

— Поэтому, — сказала она, возвращая голосу прежнюю твёрдость, — я приказываю вам, синие мантии, уважать чёрные. Не любить — не надо никого любить по приказу. Не дружить — дружба насильно не возникает. Но уважать. Потому что эти люди — пустые, беспомощные, слабые — отдают свои жизни за то, чтобы вы, сильные, не превратились в чудовищ. Они учатся годами, чтобы видеть то, что вы предпочитаете не замечать. Они будут сидеть в пыльных архивах, когда вы будете пить шампанское на балах. Они будут чертить диаграммы на трупах, когда вы будете спать в своих тёплых постелях. Они — ваша совесть. Ваш тормоз. Ваше зеркало... — она помолчала ещё буквально один удар сердца, но всё же продолжила, — и, если придётся — ваши палачи.

Она подняла обе руки — и клейма на ладонях вспыхнули ярко-синим, осветив весь Атриум.

— И если кто-то из вас, синие мантии, посмеет тронуть хотя бы одного теоретика — я лично активирую ритуал поиска и пойду по вашему следу. Я, ваш декан. — Её голос стал тише, но от этого только страшнее. — И вы знаете, что я умею находить. Вы знаете, что я не прощаю. Вы знаете, что от меня не спрятаться ни за какими клеймами и ни за какими родственниками в Сенате.

Она опустила руки. Синий свет погас. Атриум погрузился в полумрак газовых рожков.

— Вы свободны, — сказала декан Торн. — Постарайтесь не облажаться.

И, не дожидаясь аплодисментов, повернулась и пошла прочь — тяжёлой, уверенной походкой, стуча каблуками по гранитным плитам.

* * *

На ступенях Школы, под газовыми фонарями, которые уже начали зажигать (хотя солнце ещё не село — в Норд-Весте всегда спешили зажечь свет, словно боялись темноты), Элиана догнал Лукас Ферн.

Лукас был практиком. Серебряная вышивка на синей мантии, волосы вечно всклокочены, а под глазами — синие круги от недосыпа. И он ненавидел Элиана с первого курса.

— Вэнн, — окликнул Лукас. — Ты слышал уже?

— О чём?

— О твоём назначении. Департамент столицы. Третье отделение. — Лукас усмехнулся. — Поздравляю. Теперь ты будешь ловить таких, как я.

— Таких, как ты, ловить не надо, — спокойно ответил Элиан. — Ты сам бы пришёл, если бы что-то нарушил. Потому что ты плохой практик, Лукас. Ты до сих пор путаешь пентаграмму с гексаграммой.

Лукас побелел.

— Помни, что ты пустой, — сказал он тихо. — За тобой нет клейма. Никто не узнает, если с тобой что-нибудь случится. Просто... потеря. Несчастный случай. Ты даже защитить себя не сможешь.

— Смогу, — сказал Элиан. — Я знаю семнадцать способов убить практика голыми руками, не используя магию. Все они описаны в учебнике «Прикладная ритуалогика для пустых», том четвёртый, страницы с двести сорок по двести шестьдесят три. Автор — Элиан Вэнн, курсовая работа, оценка «превосходно».

Лукас скривился от этих слов, смачно сплюнул себе под ноги, развернулся и ушёл.

Элиан смотрел ему вслед, и в груди у него не было ничего — ни злости, ни обиды, ни страха. Только холодная пустота, к которой он привык за девятнадцать лет. Пустота, которая была его единственным союзником. И, возможно, единственной защитой.

* * *

Вещи Элиана умещались в один кожаный саквояж.

В Школе он жил четыре года. В крошечной комнате под самой крышей, с окном, выходящим на дымоходы соседней свечной фабрики. Каждое утро его будил запах стеарина и серы. Каждую ночь он засыпал под скрип чертёжного пера — сосед снизу, практик, готовил курсовые по пространственным искажениям.

Элиан оглядел комнату. Чертёжная доска, заляпанная мелом. Книжный шкаф с сорока семью томами «Полного собрания ритуальных матриц». Койка с продавленным матрасом. На стене — единственная картина: дешёвая литография, изображающая основателя Школы, Эрхарда Фон Ритма, который держит в руках циркуль и смотрит на звёзды.

Вэнн взял саквояж, на секунду задержался на пороге и тихо сказал:

— Спасибо.

Неизвестно кому. Комнате. Школе. Стенам, которые научили его видеть то, что не видят другие.

* * *

Выход из Школы был через восточный портал — высокую арку, украшенную барельефами ритуальных животных (лев, орёл, бык и человек — четыре символа крови). Когда Элиан вышел на улицу, газовые фонари уже горели в полную силу, и их желтоватый свет смешивался с фиолетовыми сумерками.

В лицо ударил ветер с реки — сырой, тяжёлый, пахнувший углём и дешёвыми духами. Норд-Вест жил своей вечерней жизнью: трамваи гремели по рельсам, извозчики ругались с пешеходами, а на углу квартала какой-то уличный сигиллярый (нелегальный, без клейма — это сразу видно по дрожащим рукам) чертил мелом на стене простенькую диаграмму для привлечения клиентов: «ЛЮБОВЬ. УСПЕХ. ИСЦЕЛЕНИЕ. НЕДОРОГО».

Элиан остановился, посмотрел на диаграмму и сразу увидел семь ошибок. Седьмая была фатальной: сигиллярый перепутал полярность на нижнем сегменте, и вместо привлечения удачи диаграмма работала наоборот — отгоняла всех, кто проходил мимо.

— Эй, — сказал Элиан.

Сигиллярый поднял голову. Мужчина лет сорока, грязный, с красными глазами и трясущимися руками — типичный дилетант, который не прошёл обучения и теперь пытается заработать на крупицах дара.

— Чего?

— У вас ошибка. Нижний сегмент. Поменяйте местами сигнум и вектор.

Мужчина уставился на диаграмму, потом на Элиана, потом снова на диаграмму.

— А ты кто такой?

— Теоретик, — сказал Элиан и пошёл дальше.

Через десять шагов он услышал за спиной счастливый возглас: «Работает!» — и не обернулся.

* * *

Центральный вокзал Норд-Веста был главным чудом города — огромное здание из стекла и чугуна, под сводами которого свободно поместился бы небольшой городской квартал. Архитекторы (на этот раз не маги, а обычные инженеры) построили его без единой ритуалогической диаграммы, и этим он был особенно ценен. Здесь можно было не бояться случайной активации, нелегальных сигилл, обратных потоков. Здесь было просто и честно.

Элиан купил билет третьего класса — государственная квота на оплату проезда не распространялась, а своих денег у него было ровно на неделю жизни в столице, и то если питаться хлебом и водой.

Он сел на деревянную скамью в зале ожидания и раскрыл саквояж. Сверху лежало письмо из Департамента — плотный конверт из серой бумаги с сургучной печатью. Печать была особой: двойной круг, внутри — циркуль и перевёрнутая капля. Эмблема Третьего отделения. Та самая эмблема, которую он видел на корешках запрещённых книг в закрытой секции школьной библиотеки.

Он достал письмо и перечитал в который раз:

«Уважаемый мистер Вэнн. Настоящим сообщаем, что по окончании Школы Прикладной Ритуалогии с отличием и на основании государственной квоты для выпускников-сирот вы направляетесь для прохождения обязательной службы в Центральный Департамент криминальной ритуалогии, Третье отделение (преступления, совершённые с применением запрещённых ритуалов). Ваш статус: теоретик-стажёр. Срок службы: четыре года. Отказ от назначения приравнивается к дезертирству и карается по статье 147 Уложения о государственных квотах...»

Дальше читать не было смысла. Он знал эту статью наизусть — шесть лет каторги в северных провинциях. Там магия вообще не работает из-за геомагнитных искажений, и пустые живут в условиях практически каменного века. А практиков туда не ссылают. Потому что практик без магии — всё равно что рыба без воды. Сдохнет за неделю.

Вэнн спрятал письмо обратно.

Мимо прошла семья — отец, мать и двое детей. У отца на шее горело клеймо практика (средний уровень, бытовые ритуалы). Мать была пустой. Детей пока не проверяли — дар просыпается только к двенадцати-четырнадцати годам, а этим было лет по шесть-семь. Они смеялись и толкали друг друга, а отец нёс огромный чемодан и ворчал, что поезд опаздывает.

Элиан смотрел на них и чувствовал привычную, застарелую пустоту. Ни зависти. Ни жалости. Он вообще ничего не чувствовал. И это, как говорил профессор Корвус на одной из лекций, глядя прямо на него, было самой опасной его чертой. «Пустой, который ничего не чувствует, — это не человек. Это оружие. И вопрос только в том, в чьих руках оно окажется».

Теперь, сидя на деревянной скамье Центрального вокзала, Элиан подумал о том, что Корвус, возможно, был прав. Но ошибался в одном. Он не был оружием. Оружие не выбирает, в кого стрелять.

А он — выбирал. По крайней мере, пока.

* * *

Поезд подали ровно в девять.

Паровоз пыхтел на путях, выбрасывая клубы белого пара, смешанного с сажей. Проводник проверил билет и указал на последний вагон. Элиан пошёл по перрону, вдоль вереницы вагонов — сначала первый класс с бархатными сиденьями (для практиков с высоким клеймом и богатых пустых), потом второй — для среднего сословия, потом третий — деревянные скамьи и заляпанные грязью окна.

В вагоне было темно, тесно и пахло луком. Элиан нашёл свободное место у окна, поставил саквояж на колени и закрыл глаза.

Но заснуть не получилось.

Поезд на секунду замер у переезда, и в окно он увидел сцену, которая не имела к нему никакого отношения: двое докеров, грязных, в промасленных робах, тащили по мостовой ящик с клеймом «Осторожно: ритуальные компоненты». Ящик был тяжёлый, и они ругались — не зло, привычно, как ругаются люди, которые давно работают вместе. Один, рыжий, с обветренным лицом, споткнулся и чуть не выронил угол. Второй, пониже, с татуировкой в виде сигиллы на предплечье, гаркнул: «Куда прёшь, Финч? Разобьёшь — полгода будешь должен!» Рыжий огрызнулся: «Не разобью. У меня жена рожает, мне нельзя долги».

Поезд дёрнулся и поехал дальше.

Элиан почему-то запомнил эти слова. «Жена рожает. Нельзя долги». Простая арифметика выживания. Без формул. Он подумал о том, что у этих людей — тех, кто таскает ящики в порту, — тоже есть свои уравнения. Не магические. Жизненные. И решают они их не мелом на доске, а мозолями на ладонях.

За окном проплывали склады, пустыри, трущобы — изнанка Норд-Веста, которую прятали от глаз приезжих. А потом поезд лязгнул железом и медленно пополз прочь от перрона, и Элиан наконец закрыл глаза и задремал под равномерный стук колёс.

Сквозь дрему — впервые за многие месяцы — ему почудился сон. Не воспоминание. Не мысль. Сон. Смутный, тревожный, почти стёршийся: два мальчика в серой комнате без окон, и старший держит младшего за руку, и говорит что-то — одно слово, которое никак не разобрать.

Поезд качнуло. Элиан вздрогнул и открыл глаза. За окном была чернота. Он потёр запястье под кожаным ремешком — там, где старый шрам вдруг занял тупой, далёкой болью. Словно кто-то шёл по его следу. Словно уравнение, которое он начал решать на экзамене, ещё не было дописано до конца.

Он снова закрыл глаза. Спать. Завтра — Омфал. Завтра — Третий отдел. Завтра — всё начнётся по-настоящему.

ГЛАВА 1

Центральный Департамент криминальной ритуалогии занимал здание, которое архитектор явно задумывал как храм, но в процессе что-то пошло не так.

Огромный серый куб на пересечении улицы Прямых Углов и Гнилого переулка, он вырос из утреннего тумана, как надгробная плита. Фасад украшали четыре колонны — массивные, приземистые, без капителей. Над входом темнела высеченная в камне эмблема: циркуль и перевёрнутая капля, перечёркнутые тремя параллельными линиями. Без пафоса. Без золота. Только камень и символы. В Школе говорили, что это единственное здание в Омфале, которое не стали укреплять ритуалами закладки. Не из экономии — из принципа. Департамент не должен был полагаться на то, что расследовал.

Элиан подошёл к тяжёлым дубовым дверям ровно в 7:43 — на семнадцать минут раньше назначенного срока. Пунктуальность была не вежливостью, а стратегией. Семнадцать минут давали время осмотреться, оценить маршруты отхода, запомнить лица тех, кто приходит раньше, и тех, кто опаздывает. И то и другое — информация.

Путь от трамвайной остановки до Департамента занял у него ровно одиннадцать минут — на две больше запланированного. Утренний рынок на пересечении улицы Прямых Углов и Мясницкого тупика ещё не разошёлся, и Элиану пришлось обходить тележки торговцев, которые перегораживали тротуар. Здесь торговали всем подряд: требухой, подержанной одеждой, сомнительными диаграммами на дешёвой бумаге и даже живыми голубями, которые ворковали в клетках, не подозревая, что к вечеру станут чьим-то ужином.

У одной из тележек, где старик в рваном кожаном фартуке продавал медные безделушки, выдаваемые за «артефакты древних практиков», толпились зеваки. Старик размахивал почерневшим браслетом и кричал: «Настоящий! С раскопок в Северном княжестве! Защищает от сглаза, порчи и налоговой инспекции!» Толпа смеялась, но одна женщина всё же протянула монету.

Вэнн прошёл мимо. Браслет был обычной медной побрякушкой без единого следа магии. Но он ничего не сказал. Не потому что было всё равно. А потому что страх перед магией сильнее здравого смысла. Если бы он разоблачил торговца, люди бы не поблагодарили его. Они бы разозлились. Потому что лишились бы иллюзии защиты. А иллюзия защиты — это всё, что у них было.

Он свернул на Гнилой переулок, и рыночный шум стих.

У крыльца Департамента, прямо на гранитных плитах, разложил свой товар еще один уличный торговец. Он был немолод, с седой щетиной и красными от недосыпа глазами, одет в поношенный сюртук, который когда-то, возможно, был синим, но теперь выцвел до серого. Перед ним на расстеленной тряпице лежали «защитные амулеты» — квадратные бумажки с нарисованными от руки диаграммами. Простенькие, третьего порядка, не дороже. «Отвод глаз», «Защита от сглаза», «Печать неприкосновенности» — и всё это с ошибками, которые Элиан заметил с первого взгляда. На «Печати неприкосновенности» были перепутаны полярности. «Отвод глаз» вместо того, чтобы отводить, притягивал внимание. А «Защита от сглаза» вообще не была диаграммой — просто красивый узор, не несущий магической нагрузки.

— Защита от сглаза, порчи, клеймения! — кричал торговец хриплым, сорванным голосом. — Подходи, народ, пока не разобрали! Всего три марки! Настоящие, из Четвёртого отдела!

И народ подходил. Женщина с ребёнком купила «Защиту от сглаза» — видимо, для малыша. Пожилой мужчина в робе фабричного рабочего взял «Печать неприкосновенности». Торговец заворачивал бумажки в тряпицу и принимал монеты, и глаза его бегали, как у крысы.

Элиан знал, что амулеты нерабочие. Знал, что торговец — мошенник. Знал, что эти люди тратят последние деньги на бумажки, которые их не защитят. Но лишь покачал головой, толкнул дверь и вошёл в Департамент.

Внутри пахло не магией — сыростью. Мокрой шерстью, дешёвым табаком, старым пергаментом и чем-то ещё, что молодой человек не сразу опознал. Хлорка. Много хлорки. Где-то в подвалах Департамента, видимо, только что вымыли полы, и этот запах, резкий и чистый, перебивал все остальные. Или пытался перебить.

Вестибюль оказался огромным, но не просторным. Пространство съедали очереди. Три шеренги просителей тянулись к окошкам регистратуры — мужчины в промасленных робах фабричных рабочих, женщины с детьми на руках, какой-то старик в мятой мантии практика низшей категории. Они стояли молча. Не разговаривали, не перешёптывались. Просто ждали. Элиан отметил, что никто из них не смотрит на колонны — все взгляды прикованы к окошкам, где невидимые клерки принимали бумаги.

«Эти люди боятся. Но не здания. Они боятся тех, кто за окошками. И тех, кто приходит сюда в наручниках».

Пока он стоял у входа, оценивая обстановку, к нему подошёл клерк — низенький, лысеющий, в серой мантии Первого отдела. В руках у него был поднос с жестяными кружками.

— Вы новенький? — спросил клерк без всякого интереса, заранее зная ответ. — Чай для просителей. Бесплатно. Распоряжение Департамента. Чтобы не падали в обморок, пока ждут.

Элиан взял кружку. Чай был жидким, едва тёплым и отдавал жестью. Но он сделал глоток — не из вежливости, а потому что не знал, когда в следующий раз удастся поесть.

— Третий отдел? — спросил клерк, заметив саквояж. — Вы теоретик?

— Да.

— Сочувствую, — сказал клерк без тени сочувствия и пошёл дальше, раздавая кружки.

Вэнн проводил его взглядом. «Сочувствую». Это было первое слово, которое он услышал о Третьем отделе от его обитателей. И оно не предвещало ничего хорошего.

Теоретик нашёл лестницу — широкая, каменная, стёртые ступени которой рассказывали историю лучше любого архива. Десятки тысяч шагов за десятилетия. Сначала — равномерный износ, следы размеренной поступи. Потом, ближе к пролёту, — глубокие выбоины, словно кто-то шёл волоком. Элиан наклонился и заметил на одной из ступеней тонкие параллельные царапины. Следы от подошв. Человека тащили вверх или вниз, и он упирался.

Он выпрямился и пошёл дальше.

Третий этаж. Длинный коридор с газовыми рожками на стенах. Пол выложен чёрно-белой плиткой — шахматный узор, который в Школе называли «дурацкой традицией». Но здесь, в Департаменте, шахматная клетка выглядела иначе. Не торжественно. Угрожающе. Как поле боя, на котором ещё не расставили фигуры.

Нужная дверь нашлась в конце коридора — табличка из тёмной бронзы, без полировки, с гравировкой:

«ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЗАПРЕЩЁННЫХ РИТУАЛОВ.

НАЧАЛЬНИК — СТАРШИЙ СЫЩИК ДОРН ГРЕЙВ».

Ниже, от руки, приписано мелом на грифельной дощечке: «Стучать три раза. Ждать. Если не открыли — стучать ещё. Если опять не открыли — вам сюда не надо».

Парень постучал три раза. Тишина. Он подождал ровно тридцать секунд, отсчитывая про себя ритм — *тук-тук, пауза, тук-тук-тук*. Постучал ещё раз.

За дверью что-то грохнуло. Потом шаги — тяжёлые, неровные, с приволакиванием левой ноги. Замок щёлкнул, дверь распахнулась. За ней стоял человек из обломков.

Элиан видел его впервые, но мгновенно узнал по описанию из ориентировки, которую составил сам себе, изучив послужной список третьего отдела. Дорн Грейв. Сорок пять лет.

Три шрама на лице: косой рваный на лбу, ровный на правой щеке, рассекающий подбородок пополам. Нос сломан и сросся неправильно — горбинка смещена вправо. Глаза серые, живые, насмешливые, с прищуром. Волосы тёмные с обильной проседью. Медная бляха на левом лацкане: «ЦКР, 3-й отдел» — старая, потускневшая. Все так как описывалось во всех сводках, до который молодой человек смог добраться в силу своих скромных сил.

— Теоретик? — спросил Грейв. Голос оказался ниже, чем ожидал Элиан, и с хрипотцой — результат многолетнего курения дешёвых сигар.

— Так точно. Элиан Вэнн. Прибыл для прохождения службы по государственной квоте.

— Возраст?

— Девятнадцать.

Грейв хмыкнул. Потом сплюнул в жестяную банку, стоявшую у двери. Промаяхнулся.

— Девятнадцать. Свеженький. — Он отошёл в сторону, освобождая проход. — Заходи. Только осторожно, тут везде коробки. С переездом не разобрались.

Элиан перешагнул порог и сразу понял, что «переезд» тут ни при чём. Кабинет третьего отдела выглядел так, словно в него попала бомба — но не простая, а бюрократическая. Повсюду громоздились стопки папок. Картонные коробки с надписями «ВЕЩДОКИ», «НЕ ВСКРЫВАТЬ», «ВСКРЫТО — ЗРЯ» стояли вдоль стен и на подоконниках. На огромном дубовом столе, занимавшем центр комнаты, вперемешку лежали фотографические пластинки, огрызки карандашей, пустые кофейные кружки и какая-то ржавая железка, отдалённо напоминавшая циркуль. Стены украшали не портреты императора, а схемы ритуальных диаграмм, приколотые кнопками прямо к штукатурке. Некоторые были перечёркнуты красным. На одной кто-то написал: «Чушь. Не работает. Автор — идиот».

И поверх всего этого — запах. Табак. Кофе. Пыль. И что-то ещё — сладковатое, приторное, чему в кабинете полицейского было не место.

Элиан осторожно перешагнул через стопку папок, опасно накренившуюся у двери. Бумаги пахли временем — той особой, сухой горечью, которую источают документы, пролежавшие в архиве дольше, чем живут люди. Он обратил внимание, что коробки были подписаны разными датами. Самая старая — «ВЕЩДОКИ, 392 ГОД» — стояла в углу и, судя по слою пыли, не открывалась годами.

— Это что, с войны? — спросил он.

Грейв проследил за его взглядом.

— Сразу после. Дела о мародёрстве. Ритуальные кражи. Несколько убийств практиков, которые списали на военные действия. Я хотел их пересмотреть, да руки не дошли. — Он хмыкнул. — Может, ты когда-нибудь доберёшься. Если до того не сбежишь.

— Я не сбегаю.

— Все так говорят.

Элиан огляделся, стараясь не показывать удивления. В Школе их учили работать в идеальных условиях: чистые чертёжные доски, ровный свет, тишина. Здесь условий не было. Была реальность. И реальность эта пахла плесенью, потом и старыми уликами.

На одном из подоконников, среди пустых кофейных кружек, он заметил маленький кактус в треснувшем горшке. Кактус был живой — зелёный, с крошечными колючками. Кто-то поливал его. И это несочетаемое присутствие живого существа посреди мёртвого бумажного хаоса почему-то успокаивало.

— Кактус не трогай, — бросил Грейв, заметив его взгляд. — Это Кора. Она у нас вместо талисмана. Предыдущий теоретик завёл. Говорил, что если кактус выживет — и мы выживем. Кактус пока жив. Теоретик — нет.

Вэнн ничего не ответил. Но кактус запомнил.

Грейв прошёл к столу, сгрёб бумаги в сторону и сел. Стул под ним жалобно скрипнул.

— Значит так, Вэнн. Правила у нас простые. Первое: ты пустой. Я пустой. Мы с тобой — нули в мире, где все меряются силой дара. Это значит, что мы друг другу не врём. Если врём — то только практикам. Понял?

— Так точно.

— Второе. — Грейв закурил сигару. Тонкую, скрученную на коленке. Дым повалил густой, сизый, с запахом жжёной бумаги и чего-то ещё — то ли трав, то ли плесени. — Третье отделение — не место для карьеры. Сюда не приходят за званиями. Сюда приходят, когда больше некуда. Или когда хотят что-то доказать. Ты — какой вариант?

— Меня назначили по квоте.

— Я не спрашивал, как ты сюда попал. Я спросил — зачем.

Элиан задумался. Не потому что не знал ответа. Потому что правдивый ответ («я хочу понять, как работает запрещённая магия, потому что она — единственное, чего я не понимаю») вряд ли понравился бы начальнику. А лгать Грейву — он уже понял — было бесполезно.

— Я хочу работать там, где мой ум будет полезен, — сказал он. — Анализ диаграмм, поиск ошибок, реконструкция ритуалов. Это то, что я умею. Третье отделение — единственное место в Департаменте, где эти навыки применяются в полном объёме.

Грейв выпустил дым тонкой струйкой. Прищурился.

— А ты дипломат. Не ожидал. — Он помолчал. — Ладно, теоретик. Будем считать, что я тебе поверил. Пока. Теперь к делу. У меня для тебя проверочное задание.

Он выдвинул ящик стола и достал папку — старую, потрёпанную, с надписью «ДЕЛО №1147-В. ЗАКРЫТО».

— Это дело двухлетней давности. Убийство практика в Пепловых кварталах. Убили как пустого — ножом, не магией. Но рядом с телом нашли диаграмму. Четвёртый порядок. Эксперты из четвёртого отдела сказали, что она нерабочая, и списали со счетов. Убийцу так и не нашли, дело закрыли. — Он швырнул папку через стол. — Я хочу, чтобы ты посмотрел. Свежим взглядом. Может, найдёшь то, что эти олухи из четвёртого пропустили.

Элиан взял папку. Взвесил в руке. Тонкая. Страниц двадцать, не больше.

— Срок?

— До вечера. Если ты такой умный, как написано в твоём личном деле, — справишься за пару часов. Если нет... — Грейв не договорил. Вместо этого он встал, прошёл к окну и уставился на серую пелену дождя, начавшего капать за стеклом. — Всё, иди. Стол твой — в углу, у двери. Кофе в том шкафу, кружка на подоконнике. Вопросы не задавай. Если что-то поймёшь — докладывай. Если ничего не поймёшь — всё равно докладывай. Мне полезно знать, чего ты не понимаешь.

Элиан кивнул и сел за стол. Достал из саквояжа треугольник, грифель и чистый лист бумаги. Открыл папку.

Дело №1147-В оказалось именно таким, каким он его себе представлял, — и одновременно совершенно иным.

Убитый — Маркус Фелл, практик четвёртой степени, 34 года. Владелец небольшой мастерской по ремонту бытовых диаграмм в Пепловых кварталах. Не богатый, не бедный. Не женат. Долгов нет. Врагов — двое: конкурент по цеху и бывшая любовница. Обоих проверили, у обоих алиби.

Тело нашли рано утром в проулке между свечной фабрикой и доходным домом. Смерть наступила от ножевого ранения в шею — удар точный, профессиональный. Никаких следов борьбы. Никаких свидетелей.

И рядом с телом — диаграмма.

Элиан взял фотографическую пластинку, поднёс к свету газового рожка. Диаграмма была выжжена прямо на булыжной мостовой — грубо, неровно, словно убийца торопился. Четвёр-

тый порядок. Центральный узел — стандартный, «размыкание энтропии». Ветви — четыре, по числу стихий. Но пятая ветвь, дух, отсутствовала.

«Ошибка? Или намеренное упрощение?»

Он перевернул пластинку. На обороте — заключение эксперта из четвёртого отдела. Почерк аккуратный, буквы ровные, с завитушками. Подпись: «Магистр Тобиас Крейн».

«Диаграмма четвёртого порядка, тип — „размыкание энтропии“. Нерабочая. Отсутствует пятая ветвь (дух). Нарушена полярность в нижнем сегменте. Восстановлению не подлежит. С магической точки зрения ценности не представляет. Рекомендация: списать в архив».

Элиан перечитал заключение дважды. Потом ещё раз.

Что-то было не так.

Он взял грифель и начал перерисовывать диаграмму на свой лист. Медленно, тщательно, сверяя каждый штрих с фотографией. Линии ложились ровно — сказывались годы тренировок. Через двадцать минут у него была точная копия.

Теперь — анализ.

Ветвь земли: норма. Ветвь воды: норма. Ветвь огня: норма. Ветвь воздуха... Стоп.

Элиан наклонился ближе. Ветвь воздуха была смещена на полдюйма вправо. Не ошибка — намеренное смещение. Если смотреть на диаграмму целиком, смещение компенсировалось отсутствующей ветвью духа. Но если рассматривать четыре ветви как самостоятельную систему — получалась другая диаграмма.

Не «размыкание энтропии». «Призыв пустоты».

Диаграмма пятого порядка, замаскированная под нерабочую диаграмму четвёртого. И «пустота» в данном контексте означала не философскую категорию. Это был технический термин. Призыв пустоты — ритуал, который на короткое время создавал зону, где магия не работала. Совсем. Даже простейшие диаграммы рассыпались. Даже клейма высшего уровня гасли.

Для практика это был смертный приговор. Особенно если в этот момент ему перерезали горло.

Элиан выпрямился. Сердце стучало ровно — он отметил это краем сознания, как отмечал всё, что касалось его тела. Пульс в норме. Дыхание ровное. Адреналин? Не зафиксирован.

Но внутри — где-то глубоко, за формулами и расчётами — шевельнулось холодное, чужое чувство. Он нашёл то, что пропустили эксперты. Не потому что был умнее. А потому что эксперт — Крейн — не хотел это находить.

Зачем магистру четвёртого отдела покрывать убийцу?

Он закрыл папку и посмотрел на часы. Обед. Организм требовал топлива, и Элиан решил, что имеет смысл найти место для еды сейчас — чтобы потом не тратить время. Он спустился в вестибюль и вышел на улицу. Дождь, который накрапывал всё утро, наконец разошёлся по настоящему — холодный, октябрьский, с порывами ветра. Парень поднял воротник тужурки и пошёл вниз по Гнилому переулку.

* * *

Он не искал ничего конкретного. Просто шёл и смотрел. Через три минуты он миновал мастерскую по ремонту диаграмм с заколоченными окнами. Ещё через минуту — лавку старьевщика, у входа в которую были свалены грудой ржавые ритуальные принадлежности: старые циркули, погнутые транспортиры, мотки медной проволоки. Ничего стоящего. Четвёртая минута привела его к перекрёстку, за которым Пепельные кварталы переходили в Портовую Сотню.

Здесь, в полуподвале старого доходного дома, он заметил вывеску. Она была старой, облупившейся, но буквы ещё читались: «Медный котелокъ. Трактирь». Под вывеской — три

ступеньки вниз и тяжёлая дубовая дверь с медной ручкой, натёртой до блеска чужими ладонями. Элиан потянул дверь. Она открылась без скрипа.

Внутри было тепло. Пахло кислым пивом, тушёной капустой и дымом — обычные запахи дешёвого заведения, которые после холода и сырости показались ему почти приятными. Почти.

Трактир был практически пуст. За дальним столиком двое докеров в промасленных робах играли в кости, негромко переругиваясь. У стойки сидел пожилой мужчина в потрёпанной мантии практика низшей категории и пил что-то из жестяной кружки, глядя в одну точку. Больше никого.

За стойкой стояла женщина. Пожилая, с натруженными руками и усталым лицом. Седые волосы были убраны под платок, фартук — в пятнах от соуса и сажки. Она подняла глаза на вошедшего и оглядела его без всякого интереса — так, как оглядывают сотни посетителей за год.

— Ты новенький, — сказала она. Это был не вопрос.

— Да. Только сегодня приехал.

— Из Норд-Веста?

— Откуда вы знаете?

— По выговору. — Она чуть усмехнулась. — У нас тут так не говорят. У нас тут вообще мало кто говорит. В основном ругаются. Ты есть хочешь или просто погреться?

— Есть.

— Каша гречневая. С луком и шкварками. Больше ничего не осталось. Будешь?

— Буду.

— И цикорий? Кофе кончился.

— Цикорий.

Она кивнула и ушла на кухню. Элиан сел за столик у стены — так, чтобы видеть оба выхода. Привычка, которую он приобрёл не в Школе, а раньше, в богадельне. Там тоже нужно было видеть, кто входит.

Через несколько минут перед ним стояла тарелка дымящейся каши и кружка горячего, чуть горьковатого напитка. Он ел медленно, не чувствуя вкуса, просто заполняя желудок. Каша была сытной. Шкварки — подгоревшими. Но после четырёх лет школьной столовой это была почти роскошь.

Женщина вернулась за стойку и принялась протирать кружки. Она не спрашивала, кто он и откуда. Не лезла с разговорами. Это было именно то, что нужно.

Когда он доел и подошёл к стойке, чтобы расплатиться, она назвала цену — две медные монеты. Элиан положил монету номиналом в три.

— Там трёшка.

— Я вижу. — Она убрала монеты в карман фартука. — Сдачи нет. Буду должна.

— Я могу зайти завтра.

— Заходи. — Она впервые посмотрела на него внимательно. — Если работаешь в Департаменте, тебе нужно место, где можно поесть и ни с кем не разговаривать. И здесь — именно такое место.

Вэнн не стал спрашивать, откуда она знает про Департамент. Саквояж с эмблемой Третьего отдела, который он поставил на стул, говорил сам за себя. Он просто кивнул.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Марта. А тебя?

— Элиан Вэнн. Теоретик.

— Хорошо, теоретик Вэнн. — Она снова взялась за кружки. — Завтра будет каша овсяная. Если придёшь пораньше — получишь горячую.

Парень вышел под дождь. Трамвайная остановка была в двух минутах ходьбы. В Норд-Весте у него не было такого места. В Омфале — появилось.

* * *

Когда он вернулся в Департамент, Грейв всё ещё сидел в той же позе — откинувшись на спинку стула, закрыв глаза. Пепел с сигары осыпался на жилет, но он не замечал. Элиан молча сел за свой стол и снова открыл папку.

Теперь, после еды, мысли текли яснее. Он перечитал заключение Крейна ещё раз — медленно, слово за словом. И вдруг заметил то, что упустил утром. Дата. Заключение было подписано на следующий день после убийства. Но протокол осмотра места преступления датировался днём убийства. Крейн подписал заключение, даже не видя диаграмму? Или видел, но не на месте преступления?

Он записал в блокнот: «Дата заключения Крейна — следующий день. Проверить, был ли он на месте преступления».

Потом он перечитал протокол допроса свидетелей. Конкурент по цеху — практик низшей категории, держал мастерскую в трёх кварталах от места убийства. Алиби: был дома с женой и тремя детьми. Бывшая любовница — пустая, работала швеей. Алиби: была в ночной смене, подтверждено хозяйкой мастерской. Обоих проверили поверхностно — буквально по одному допросу.

Элиан закрыл папку и подошёл к столу Грейва.

— Я закончил предварительный анализ.

Грейв открыл глаза. Медленно, как человек, который просыпается от сирены и ещё не понял, учебная она или боевая.

— Ну? Нашёл что-нибудь? — Диаграмма рабочая. Пятый порядок. «Призыв пустоты». Замаскирована под нерабочую четвёртого порядка. Убийца не хотел, чтобы практик мог защищаться.

— Повтори.

— Диаграмма рабочая. Пятый порядок. «Призыв пустоты». Она создаёт зону, где магия не работает. Практик в такой зоне становится пустым. Убийца дождался, пока диаграмма активируется, и ударил ножом. Жертва не могла защищаться.

Грейв молчал долго. Очень долго. Потом перевёл взгляд на папку в руках Элиана.

— Крейн подписал заключение?

— Так точно. Магистр Тобиас Крейн. Заключение гласит: «Диаграмма нерабочая».

— Крейн, — повторил Грейв и вдруг скрипнул зубами — тот самый звук, о котором говорилось в его досье, резкий, неприятный, похожий на скрежет металла о металл. — Значит так, Вэнн. Ты сейчас сядешь и напишешь подробный отчёт. Каждую линию, каждое смещение, каждую ошибку Крейна. Понял?

— Так точно.

— Потом отнесёшь в архив и подождёшь к делу. Никому ни слова. Ни-ко-му. Если Крейн узнает, что ты его подловил, — он тебя сожрёт. Он практик высшего уровня, у него связи, у него доступ к закрытым ритуалам. А ты — стажёр-пустой, которого никто не хватится. Ясно?

— Так точно.

— Хорошо. — Грейв встал, подошёл к Элиану и остановился в шаге. От него пахло табаком, кофе и чем-то ещё — тем самым сладковатым запахом, который Элиан почувствовал при входе. Теперь он понял: это был запах старых улик. Запах вещдоков, которые годами лежат в коробках, впитывая в себя остатки магии и чужой крови. — А теперь скажи мне честно, теоретик. Как ты это нашёл за два часа, если Крейн не нашёл за два года?

Элиан посмотрел ему в глаза.

— Потому что я не верю в нерабочие диаграммы. Любая диаграмма работает. Вопрос в том, что именно она делает.

Грейв усмехнулся. Криво, невесело.

— Умный. Слишком умный. — Он отошёл к окну. — Ладно. Считай, что проверку ты прошёл. Теперь иди, пиши отчёт. А я пока подумаю, как нам с тобой не сдохнуть в ближайшие четыре года.

Элиан кивнул и уже повернулся, чтобы идти к своему столу, когда на столе Грейва зазвонил телефон.

Старый аппарат из чёрного бакелита, с металлическим диском набора. Ручка-генератор сбоку. Такие стояли только в правительственных учреждениях — дорого, надёжно, никакой магии, одна механика.

Грейв снял трубку.

— Третий отдел. Грейв.

Пауза.

— Да. Понял. Когда? Понял. Скоро будем.

Он положил трубку. Лицо его изменилось — усталое равнодушие сменилось сосредоточенностью, почти азартом.

— Собирайся, теоретик. Убийство.

Элиан замер.

— Где?

— Алмазные Холмы. Особняк лорда Хастингса. Час назад горничная нашла тело. На полу в кабинете — диаграмма. Большая. — Грейв уже набрасывал плащ. — И вот что интересно. Эксперты из четвёртого отдела ещё не выехали. Так что у нас есть фора. Ты хотел смотреть на настоящие диаграммы? Будет тебе настоящая диаграмма.

Элиан молча взял саквояж. Сердце стучало всё так же ровно — шестьдесят четыре удара в минуту. Но внутри, под формулами и расчётами, что-то медленно, как маятник, качнулось и встало на место.

Начиналось расследование.

ГЛАВА 2

Алмазные Холмы начинались внезапно.

Только что за окнами тянулись кирпичные коробки Пепельных кварталов, где на каждом углу торговали пирожками с требухой, а из подворотен тянуло мочой и кислым пивом, — и вдруг улица раздалась вширь, мостовая сменилась брусчаткой, а газовые фонари стали выше, чище и горели не жёлтым, а белым светом. Здесь не было вывесок. Не было торговцев. Не было прохожих — только экипажи, чёрные и лакированные, с гербами на дверцах, бесшумно скользили по мостовой, словно хищные рыбы в мутной воде.

Элиан смотрел в окно полицейской кареты и считал.

Не гербы — гербы были ему неинтересны. Он считал защитные диаграммы. Каждый второй особняк в Алмазных Холмах был окутан паутиной охранных заклинаний — силовые барьеры, «глаза» наблюдения, «паутина тревоги». Некоторые были старыми, выцветшими, едва различимыми в утреннем свете. Другие — свежими, активированными недавно, с ещё горящими узлами. Элиан насчитал тридцать семь активных диаграмм за четыре минуты. Плотность магии здесь была выше, чем где-либо в городе. Если бы он был практиком — он бы чувствовал это кожей, как жар от печи. Но он был пустым. И чувствовал только цифры. Тридцать семь. Четыре минуты. Девять и одна десятая диаграммы в минуту. Статистически значимое превышение.

— Не пялься, — сказал Грейв, не поворачивая головы. Он сидел напротив, вжавшись в сиденье, и курил уже вторую сигару с момента выезда. Дым заполнил карету, и Элиан дышал через нос — поверхностно, экономно, чтобы не закашляться. — Здесь не любят, когда пялятся. Особенно пустые. Особенно на их диаграммы. Понял?

— Понял.

— Ни черта ты не понял, но это пока.

Карета притормозила у перекрёстка, пропуская процессию. Элиан выглянул в окно.

По Золотой аллее двигалась похоронная процессия — чёрный катафалк, запряжённый четвёркой вороных лошадей, и вереница экипажей с гербами. На козлах сидели возницы в траурных ливреях. За катафалком шли люди в чёрном — человек двадцать, не больше. Никто не плакал. Шли молча, опустив головы, как ходят на похоронах тех, кого не очень любили, но должны проводить по статусу.

Грейв проводил процессию взглядом и скрипнул зубами.

— Ещё один. Четвёртый за месяц.

— Кто? — спросил Элиан.

— Мелкий чиновник из Сената. Кажется, из отдела финансов. Говорят, сердце. — Грейв сделал паузу и выпустил дым тонкой струйкой. — А я говорю — магия. Просто магия, которую не могут доказать. У всех четверых были клейма. У всех четверых был доступ к закрытым архивам. И у всех четверых вдруг отказало сердце. В возрасте от тридцати до пятидесяти. Странное совпадение, не находишь?

Элиан посмотрел на удаляющийся катафалк. Четверо за месяц. Практики. С доступом к архивам. Если это не совпадение — а в Омфале совпадений не бывает, — значит, кто-то убивает свидетелей. Или сообщников.

— Вы думаете, это связано с убийством Хастингса? — спросил он.

— Я думаю, что в этом городе всё связано. — Грейв затушил сигару о подоконник кареты. — Просто мы пока не знаем как.

Карета тронулась. Процессия скрылась за поворотом. Элиан запомнил этот разговор. Четверо за месяц. Сердце. Магия, которую не могут доказать. Ещё одно уравнение. Ещё одна переменная.

Карета свернула на широкую аллею, обсаженную липами. В конце аллеи, на небольшом возвышении, стоял особняк лорда Хастингса — трёхэтажное здание из серого камня с белыми колоннами и огромным куполом из стекла и чугуна. Оранжерея, догадался Элиан. В Школе говорили, что лорд Хастингс коллекционировал редкие растения. И редкие диаграммы.

* * *

Особняк был оцеплен. У ворот стояли двое констеблей в синих мундирах. Один — молодой, почти мальчишка, с рыжими усами, которые он, видимо, только начал отращивать и которыми явно гордился. Второй — постарше, с обветренным лицом и сломанным носом, какие бывают у бывших боксёров или бывших уличных патрульных. Оба продрогли до костей — октябрьский ветер в Алмазных Холмах был не теплее, чем в Пепельных кварталах, просто пах иначе: не углём и мочой, а мокрой листвой и лошадиным навозом.

При виде кареты Грейва они вытянулись по стойке смирно. Молодой одёрнул мундир. Старший просто перестал дышать.

— Старший сыщик Грейв, Третий отдел, — бросил Грейв, вылезая из кареты. — Что тут у вас?

— Тело в кабинете, сэр, — отрапортовал старший. Голос у него был хриплый, простуженный. — Диаграмма на полу. Горничная обнаружила в шесть утра. Мы ничего не трогали.

— Давно вы здесь стоите?

— С половины седьмого, сэр. Как поступил вызов.

Грейв оглядел их мокрые мундиры, синие от холода губы молодого констебля и вдруг сказал:

— Через час чтобы пошли греться. В караулку. Это приказ. Мне нужны живые констебли, а не ледяные статуи.

Старший позволил себе слабую улыбку. Молодой всё ещё не дышал.

— Так точно, сэр.

— Горничная где?

— На кухне, сэр. Истерика. Дама из четвёртого отдела с ней работает.

Грейв резко остановился.

— Четвёртый отдел уже здесь?

— Так точно, сэр. Прибыли десять минут назад. Магистр Крейн лично.

Грейв скрипнул зубами. Этот звук Элиан уже научился распознавать — он означал крайнюю степень раздражения, смешанную с бессилием. Крейн опередил их. Форы не было.

— Ладно. — Грейв махнул рукой Вэнну. — Пошли.

Они вошли в особняк через парадный вход — высокие дубовые двери, инкрустированные серебряными рунами. Холл оказался огромным, двухсветным, с мраморной лестницей, уходящей на второй этаж. На стенах висели портреты предков — мужчины в мантиях практиков, женщины в драгоценностях, дети с клеймами на лбу. Династия. Древняя, богатая, могущественная. И теперь — прерванная.

Элиан шёл за Грейвом, но его взгляд скользил не по портретам. Он смотрел на стены. На потолок. На пол. Искал следы.

Холл был не просто богатым — он был богатым и старым. Настоящая родовая аристократия, не нувориши из Портовой Сотни, которые нажились на военных поставках и теперь строили особняки с позолотой. Здесь всё дышало временем. Мраморная лестница была вытерта посередине — поколения Хастингсов поднимались и спускались по этим ступеням, и их шаги оставили углубления в камне. Портреты на стенах были написаны маслом и покрыты лаком, который пожелтел от времени. Предки смотрели на молодого человека с надменностью, которая не нуждалась в магии. Они были практиками. Все. До единого.

На одной из картин — мужчина в синей мантии с тремя рядами золотого шитья — Элиан заметил медальон. Тот самый, что был описан в учебнике «Геральдика правящих домов»: серебряный круг с тремя перекрещёнными линиями. Знак основателя рода Хастингсов, одного из трёх князей, подписавших Клятву кровей. Четыреста лет назад этот человек смешал свою кровь с кровью двух других правителей и выпил её из Золотой Чаши. Теперь его потомок лежал наверху, иссушенный, как прошлогодний лист.

Теоретик отвёл взгляд от портрета и продолжил осмотр.

На лестничных перилах, на высоте человеческого роста, темнели слабые, почти невидимые разводы — словно кто-то провёл пальцем, смоченным в саже. Элиан наклонился, пригляделся. Не сажа. Пепел. Тонкий, серый, как пыль. Он коснулся развода кончиком пальца, поднёс к свету.

Серый. Обычный пепел. Не багровый.

— Вэнн! — рыкнул Грейв откуда-то сверху. — Не отставай!

Парень вытер палец о штанину и пошёл наверх.

Кабинет лорда Хастингса располагался на втором этаже, в конце длинной галереи, устланной ковром цвета бычьей крови. Дверь была открыта. Изнутри доносились голоса — тихие, сдержанные, с теми особыми интонациями, которые парень научился распознавать ещё в Школе. Так говорят практики, когда не хотят, чтобы пустые их слышали.

Грейв вошёл первым, не постучав.

— Доброе утро, магистр Крейн. Не ожидал вас здесь увидеть.

Человек, стоявший у окна, обернулся.

Магистр Тобиас Крейн выглядел именно так, как, наверное, и должен выглядеть человек его статуса, и одновременно — иначе. Высокий, сутулый, с длинными руками и тонкими пальцами. Лицо — узкое, аскетичное, с острыми скулами и длинным носом. Глаза светло-карие, почти янтарные, полуприкрытые тяжёлыми веками. Взгляд сонный, рассеянный — но Элиан сразу понял, что это маска. За этой рассеянностью скрывался цепкий, холодный ум, который замечал всё. Просто не считал нужным показывать.

На левой стороне шеи Крейна, чуть ниже уха, темнело клеймо — круглая печать с тремя концентрическими окружностями. Знак элиты. Право на активацию ритуалов любого порядка без согласований.

Крейн был не один. Рядом с ним стояли трое экспертов в серых мантиях четвёртого отдела. Двое мужчин и женщина — та самая, что работала с горничной.

Мужчины были похожи друг на друга, как братья, хотя явно не состояли в родстве. Обоим около сорока. У обоих — ранняя седина и клейма на запястьях. У обоих — одинаковое выражение лица: смесь профессионального высокомерия и тихого страха перед начальством. Тот, что повыше, держал в руках фотографический аппарат на треноге. Второй, пониже, прижимал к груди папку с бланками для протоколов.

Женщина была другой. Моложе — лет тридцати. Тёмные волосы убраны под капюшон мантии. Клейма на запястье не было — значит, пустая, как и сам Элиан. Но в отличие от мужчин, она не боялась. Она смотрела на Грейва с холодным, оценивающим интересом, словно прикидывала, насколько он опасен. Теоретик мысленно отметил её. Эта была не просто экспертом. Эта что-то знала.

Все трое замерли при появлении Грейва, как мыши при виде кота.

— Старший сыщик Грейв, — произнёс Крейн. Голос у него был тихий, плавный, с лёгкой хрипотцой. — Какая неожиданная... оперативность. Обычно Третий отдел приезжает через час после вызова.

— Обычно Четвёртый отдел не приезжает до вызова, — парировал Грейв. — Как вы узнали об убийстве раньше меня?

— У меня есть свои источники. — Крейн слегка улыбнулся — одними губами, не касаясь глаз. — Не буду утомлять вас деталями. Главное — мы уже начали экспертизу.

— Я вижу. — Грейв прошёл в центр комнаты. Элиан — за ним.

И тут он увидел это.

Тело лорда Хастингса лежало на полу возле камина. Точнее — то, что от него осталось. Элиан видел трупы и раньше — в учебном морге Школы, на практических занятиях по судебной ритуалогике. Но то были аккуратные, препарированные тела, подготовленные для изучения. Это было другое.

Лорд Хастингс был иссушен. Не убит — именно иссушен, словно из него выкачали всю влагу, всю кровь, всю жизнь. Кожа обтянула череп, как пергамент. Глаза ввалились. Рот был открыт в беззвучном крике. Руки скрючены, пальцы впились в ворс ковра — он пытался ползти.

А вокруг тела, на драгоценном паркете из морёного дуба, была выжжена диаграмма.

Элиан замер.

Диаграмма была огромной — футов десять в диаметре. Сложная, многоуровневая, с десятками узлов и сотнями соединительных линий. Она была выжжена не мелом, не углём, не краской — она была вплавлена в дерево, словно кто-то начертил её огнём. Линии светились слабым, угасающим багровым светом. Но в центре, там, где должен был находиться главный узел, зияла пустота. Диаграмма была не закончена.

— Восьмой порядок, — произнёс Крейн за спиной Вэнна. — «Печать разрушения». Модифицированная. Очень... элегантная работа.

Элиан не обернулся. Он смотрел на диаграмму и считал.

Узлы. Ветви. Векторы. Каждая линия была на своём месте. Почти каждая. В нижнем сегменте, там, где диаграмма соединялась с полом у камина, была ошибка. Небольшая — смещение на четверть дюйма. Но если смотреть на диаграмму в целом, эта ошибка меняла всё. «Печать разрушения» должна была активироваться мгновенно и уничтожить всё в радиусе ста футов. Но со смещением она не активировалась. Она замерла. Застыла на грани между жизнью и смертью. Как сам лорд Хастингс в последние секунды своей жизни.

— Почему она не завершена? — спросил Элиан. Не Крейна — Грейва. Но ответил Крейн.

— Превосходный вопрос, молодой человек. — Магистр шагнул ближе. Элиан почувствовал лёгкий запах дорогого табака и чего-то ещё — можжевельника? Или это был компонент какого-то ритуала? — Я как раз инструктировал своих экспертов на этот счёт. Существует три возможных объяснения. Первое: убийце помешали. Второе: убийца допустил ошибку. Третье: убийца и не планировал завершать диаграмму.

— Зачем тогда её вообще чертить?

Крейн улыбнулся снова — всё той же безжизненной улыбкой.

— Вот это и есть тот вопрос, на который мы должны ответить. Вы, я полагаю, новый теоретик Третьего отдела? — Он перевёл взгляд на Грейва. — Слышал о вас. Элиан Вэнн. Лучший выпускник Школы за последние десять лет. Решили невыполнимую задачу на государственном экзамене. Говорят, профессор Корвус до сих пор не оправился.

Элиан ничего не ответил. Он смотрел на диаграмму. Вернее, на пепел, рассыпанный по краю выжженного круга. Обычный, серый пепел. Такой же, как на лестничных перилах.

Он наклонился и осторожно, кончиком пальца, собрал несколько крупинок. Серый. Обычный, как от камина. Он потёр пепел между пальцами. Консистенция была знакомой — мелкий, жирный на ощупь, как всякий пепел от сгоревшей крови. Но цвет — не тот.

Он обошёл диаграмму по кругу, разглядывая пепел. Серый — везде. Никаких следов багрового. Никаких следов чёрного. Только серый.

Это не укладывалось в голове. Если диаграмма восьмого порядка активирована своей кровью, пепел должен быть багровым. Если чужой — чёрным. Если смешанной активацией

— обоих цветов. Здесь был только серый. Как будто кто-то активировал диаграмму без крови вообще. Или — кровь была, но сгорела иначе, чем предписывали учебники.

— Магистр Крейн, — сказал он, не поднимая головы. — Вы уже определили, чем активирована диаграмма?

Крейн замер. Всего на секунду — но Элиан заметил. Заметил, как дрогнули его веки. Как пальцы левой руки чуть сжались.

— Экспертиза ещё не завершена, — ответил он. — Но предварительно — диаграмма активирована стандартным методом. Кровь практика. Без внешних компонентов.

— Без гемортуалистики?

Тишина в комнате стала густой, как патока. Эксперты четвёртого отдела переглянулись. Грейв замер у двери. Крейн смотрел на Элиана, и в его янтарных глазах что-то мелькнуло — не страх, нет. Интерес.

— Почему вы спрашиваете? — произнёс он медленно.

— Пепел, — сказал Элиан. — В диаграммах, активированных через кровь жертвы, пепел чёрный. Это стандартный признак гемортуалистики. В диаграммах, активированных своей кровью, пепел багровый. Это стандартная классификация, учебник «Судебная ритуалогика», том второй. Здесь пепел серый. Консистенция — как у сгоревшей крови. Но цвет — не тот. Если бы убийца использовал чужую кровь, остался бы чёрный пепел. Если бы свою — багровый. Но нет ни того, ни другого. Только серый.

Он поднял голову и посмотрел на Крейна.

— Такого в учебниках нет. Что это может быть?

Крейн молчал. Его лицо оставалось неподвижным, как маска. Но Элиан видел: пальцы левой руки магистра теперь сжимались и разжимались в ритме, который он сразу узнал. *Тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук.* Крейн считал вероятности. И, судя по тому, как долго он молчал, ни одна из них ему не нравилась.

— Это... необычно, — произнёс он наконец. — Я распоряжусь, чтобы образцы изучили подробнее.

— Я бы хотел присутствовать при анализе.

— Это прерогатива Четвёртого отдела.

— Это совместное расследование, — вмешался Грейв. Он подошёл ближе и встал рядом с Элианом. Плечом к плечу. — Убийство совершено с применением запрещённого ритуала. Третий отдел имеет право участвовать в экспертизе. Статья семнадцатая Уложения о криминальной ритуалогике. Крейн перевёл взгляд с Грейва на Элиана. Потом обратно.

— Хорошо, — сказал он. — Ваш теоретик может присутствовать. Но предупреждаю: экспертиза — это не лекция в Школе. Здесь не будет готовых ответов. Только вопросы.

— Я привык к вопросам, — сказал Элиан.

Крейн усмехнулся. На этот раз — почти по-настоящему.

— Не сомневаюсь. — Он повернулся к своим экспертам. — Продолжайте. Образцы пепла — в первую очередь. Диаграмму снять на все пластинки. Пол — под паркетом — проверить на остаточную магию. Через час жду предварительный отчёт.

Эксперты засуетились. Крейн ещё раз посмотрел на Элиана, затем на Грейва.

— Старший сыщик, — сказал он, — я бы хотел переговорить с вами наедине. Позже. Когда станет... потише.

— Дверь моего кабинета всегда открыта, — ответил Грейв. — Третий этаж. В конце коридора. Табличка «Третье отделение». Не ошибётесь.

Крейн кивнул и вышел. Его шаги — мягкие, бесшумные — стихли в галерее.

Грейв подождал, пока дверь за ним закроется, и повернулся к Элиану.

— Спустись на кухню. Поговори с горничной. Только быстро — пока Крейн не вернулся.

Вэнн кивнул и вышел. Кухня располагалась в цокольном этаже — огромное помещение с медными кастрюлями, развешанными по стенам, и плитой, которая занимала целую стену. Пахло остывшим кофе и валерьянкой. Горничная — молодая девушка, пустая, с заплаканным лицом и красными глазами — сидела на табурете, закутавшись в чей-то форменный плащ. Рядом стояла кружка с нетронутым чаем.

— Я из Третьего отдела, — сказал Элиан. — Теоретик Вэнн. Вы меня не знаете. Но я хочу задать несколько вопросов. Можно?

Девушка подняла глаза. Она всё ещё дрожала, но уже не плакала. Шок прошёл, осталась усталость.

— Я уже всё рассказала. Той даме. Из Четвёртого.

— Я знаю. Но мне нужно услышать это от вас. Своими словами.

Она кивнула и начала рассказывать. Её звали Анна. Девятнадцать лет — столько же, сколько и ему. Работала у Хастингса полгода. В то утро пришла, как обычно, в пять, чтобы растопить камин в кабинете. Дверь была приоткрыта. Она вошла и увидела...

Тут она снова заплакала.

Элиан подождал минуту. Потом спросил:

— Вы не заметили ничего необычного? До того, как вошли? Запах? Звук? Может быть, что-то пропало из холла?

Анна подняла глаза. В них мелькнуло удивление — вопрос был неожиданным.

— Пропало? Нет. Всё было на месте. Но... — Она замялась. — Портрет. Тот, что над лестницей. Он был перекошен. Чуть-чуть. Я ещё подумала — сквозняк. Но сквозняка не было.

Элиан записал в блокнот: «Портрет перекошен. Сквозняка не было». Он не знал, пригодится ли эта деталь. Но детали — это то, из чего состоят уравнения.

— Спасибо, Анна. Вы мне очень помогли.

Она слабо улыбнулась. Впервые за этот разговор.

* * *

Когда теоретик вернулся в кабинет лорда Хастингса, Грейв коршкном кинулся к нему.

— Ты что творишь? — прошипел он. — Я же сказал: никому ни слова про Крейна. А ты ему — «почему пепел серый, а не багровый»? Ты его чуть не подловил!

— Я не подлавливал. Я задал вопрос.

— Ты задал вопрос, на который он не смог ответить. Для Крейна это одно и то же. — Грейв помолчал, скрипнув зубами. — Ладно. Что ты увидел? Только честно.

Элиан оглянулся на диаграмму.

— Три вещи. Первое: диаграмма не завершена. Смещение в нижнем сегменте. Это не ошибка — это подпись. Убийца хотел, чтобы это заметили. Второе: пепел серый. Если диаграмма восьмого порядка активирована кровью оператора, оператор должен быть мёртв. Такая отдача несовместима с жизнью. Но оператор жив — он ушёл отсюда. Значит, либо он использовал чужую кровь, но замаскировал её под свою, либо...

— Либо что?

— Либо что-то еще. Я не знаю. Этого нет в учебниках.

Грейв молчал. Потом достал сигару, закурил. Дым поплыл по кабинету, смешиваясь с запахом горелого дерева.

— А третье?

Элиан подошёл к краю диаграммы. Нагнулся. Кончиком мизинца коснулся выжженной линии. Она была холодной. Совсем.

— Третье: этот почерк. — Он указал на переплетение кривых в верхнем сегменте. — Я видел его раньше. Не в учебниках. Не в архивах. Я не могу вспомнить где. Но я его узнаю.

Грейв смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Узнаешь?

— Да. И это пугает меня больше, чем всё остальное.

За окном, над Алмазными Холмами, начинался дождь. Крупные капли забарабанили по стеклянному куполу оранжереи. Где-то внизу, на кухне, всё ещё плакала горничная.

Вэнн стоял над мёртвым лордом и смотрел на диаграмму, которая не должна была существовать. И впервые за девятнадцать лет он пожалел, что не умеет молиться. Потому что уравнение, которое он только что начал решать, с каждой новой переменной становилось всё темнее. И где-то в глубине его сознания — там, где формул ещё не было, — шевельнулось смутное, забытое чувство.

Узнавание.

* * *

Они вышли из особняка через час. Дождь усилился, и теперь это был не октябрьский дождик, а настоящий ливень — холодный, хлещущий, превращающий брусчатку Золотой аллеи в зеркало, в котором отражались редкие газовые фонари. Констебли всё ещё стояли у ворот, но теперь к ним присоединился крытый экипаж — приехал кто-то из Сената, судя по гербу на дверце, из рода Аскеров.

В карете Грейв молча курил, глядя в окно. Элиан перебирал в памяти детали. Диаграмма. Пепел. Почерк. Портрет, перекошенный без сквозняка. Уравнение росло, но переменных становилось всё больше, а ответ — всё дальше.

На выезде из Алмазных Холмов, у самого моста через Канал Трёх Рек, карета притормозила. Дорогу перегородила тележка уличного торговца — того самого, что продавал амулеты у Департамента. Тележка опрокинулась, бумажки с фальшивыми диаграммами рассыпались по мостовой, и торговец, стоя на коленях, собирал их под дождём. Никто не помогал. Экипажи объезжали его, как объезжают дохлую кошку.

— Остановите, — сказал Элиан.

Грейв поднял бровь, но промолчал. Карета остановилась. Элиан вышел под дождь и подошёл к торговцу. Тот поднял голову — в глазах был страх. Он явно ожидал ареста.

— Вы торгуете здесь? — спросил Элиан.

— Да, господин. Я ничего не нарушил. Это просто бумажки. Сувениры.

— Я знаю. — Элиан наклонился, поднял несколько амулетов с мостовой и протянул торговцу. — В следующий раз не стойте на мосту. Здесь скользко. И лошади пугаются.

Торговец уставился на него, не веря. Потом схватил бумажки и закивал.

— Да, господин. Спасибо, господин. Я сейчас уйду.

Элиан вернулся в карету. Грейв смотрел на него с любопытством.

— Зачем ты это сделал?

— Он не нарушал закон. По крайней мере, не тот, который интересует нас.

— Ты странный, Вэнн. — Грейв затушил сигару. — Но может, в этом и есть твоя сила.

Карета тронулась. Впереди, за мостом, уже виднелись серые коробки Пепельных кварталов. Алмазные Холмы остались позади — вместе с мёртвым лордом, незавершённой диаграммой и перекошенным портретом.

* * *

В Департамент они вернулись затемно. Грейв сразу ушёл к себе — писать отчёт для канцлера. Элиан остался в пустом кабинете, разложил на столе пластинки, сделанные на месте преступления, и ещё раз пересмотрел каждую. Диаграмма. Смещение. Пепел. Почерк. Всё то же самое. Новых выводов не было.

В десятом часу он собрал саквояж и вышел. Трамвай уже не ходил, пришлось идти пешком. Дождь наконец стих, и над Пепельными кварталами висело низкое, мутное небо, в котором не было звёзд — только отсветы газовых фонарей на облаках.

Он снова зашёл в «Медный котелок». Не потому что хотел есть — каша была съедена ещё в обед. Просто нужно было место, где можно посидеть и ни с кем не разговаривать.

Трактир был почти пуст. Докеры ушли. Практик за стойкой — тоже. Только Марта протирала кружки, как будто не прекращала это занятие с самого обеда.

— Поздно ты, — сказала она. — Я уже закрываться собиралась.

— Я ненадолго. Просто цикорий.

Она кивнула и налила кружку. Поставила перед ним. Села напротив — впервые за день.

— Тяжёлый день?

— Да.

— Убийство?

Элиан поднял глаза. Марта смотрела на него спокойно, без страха, без любопытства. Просто констатировала факт.

— Откуда вы знаете?

— Я трактирщица. Ко мне приходят констебли. Иногда — из Третьего отдела. Не Грейв, он не ходит. Другие. Они пьют пиво и разговаривают. А я слушаю. — Она пожала плечами. — Сегодня днём двое заходили. Сказали, что в Алмазных Холмах убили лорда. И что на месте был Крейн. Я сразу поняла — у вас тяжёлый день.

— У вас хороший слух.

— У меня хорошая память. — Она встала. — Допивай и иди. Завтра будет новый день. И новая каша. Овсяная. Как обещала.

Вэнн допил цикорий. Оставил монету на стойке. Вышел в темноту. Завтра будет новый день. И новое расследование. А сегодня у него было место, где можно посидеть и ни с кем не разговаривать. Это было немного. Но этого пока хватало.

ГЛАВА 3

Утром теоретик рассчитал время своего прибытия таким образом, чтобы встретиться с напарником в фойе департамента. Грейв был на удивление пунктуальным человеком. Они поздоровались и направились к лестнице на третий этаж.

Кабинет третьего отдела встретил их тишиной, пылью и запахом остывшего кофе.

Грейв с порога швырнул плащ на стул, промахнулся и, не оборачиваясь, прошёл к своему столу. Тяжёлые шаги, приволакивание левой ноги, скрип половиц — Элиан уже научился читать его настроение по звукам. Сейчас звуки были резкими, отрывистыми. Грейв был зол. Не на него — на Крейна, на четвёртый отдел, на всю эту систему, где практики высшего уровня могли являться на место преступления раньше полиции и диктовать свои правила.

— Садись, — бросил Грейв, не оборачиваясь. — И показывай, что ты там наснимал. Но сначала — ты был на экспертизе?

— Был. — Вэнн сел за свой стол и достал блокнот. — Крейн провёл анализ формально. Образец пепла показал органические остатки. Следы гемоглобина. Кровь присутствовала. Группа редкая — такая бывает у практиков высокого уровня. Но цвет... — Он полистал записи. — Эксперт сказала, что никогда не видела такого. Пепел серый, хотя по всем признакам должен быть багровым. Крейн заявил, что убийца мог использовать реагент для обесцвечивания.

— Реагент? — Старший сыщик скрипнул зубами. — Ты в это веришь?

— Нет. Реагентов, обесцвечивающих пепел, не существует в природе. По крайней мере, они не описаны ни в одном учебнике. Крейн просто хотел, чтобы я ушёл. И он избегал прямых ответов.

— Значит, он что-то знает. — Грейв закурил. — Ладно. Потом разберёмся с Крейном. Показывай, что ты наснимал.

Элиан достал из саквояжа фотографические пластинки — четыре штуки, которые он тайком отснял в кабинете Хастингса, пока эксперты Крейна возились с образцами пепла. Портативный фотоаппарат был старым, казённым, с разбитым видоискателем, но с хорошей оптикой. Элиан сам проверил линзы перед выездом. Привычка. Он всегда проверял инструменты.

Он разложил пластинки на столе. Достал грифель, чиркнул по бумаге — быстрый набросок, контур диаграммы. Потом ещё один. И ещё.

Грейв подошёл, встал за спиной. От него пахло табаком и дождём.

— Ну? Докладывай. — Диаграмма восьмого порядка. «Печать разрушения». Но модифицированная. — Элиан ткнул грифелем в центр наброска. — Стандартная «Печать» строится по принципу центробежного расширения: активация в центре, волна идёт наружу, уничтожает всё в заданном радиусе. Здесь — наоборот.

— Что значит «наоборот»?

— Волна идёт не наружу, а внутрь. — Элиан провёл линию от края диаграммы к центру. — В стандартной версии жертва погибает мгновенно, вместе со всем, что её окружает. Здесь жертва умирала долго. Диаграмма вытягивала из неё жизнь, как насос. Постепенно. Методично. — Он помолчал. — Лорд Хастингс был в сознании, когда умирал. Он пытался ползти. Он прожил достаточно долго, чтобы понять, что происходит.

Грейв ничего не сказал. Только скрипнул зубами — коротко, резко, как выстрел.

— Теперь про ошибку. — Элиан указал на нижний сегмент. — Вот здесь. Смещение на четверть дюйма. Если бы диаграмма была завершена, волна пошла бы внутрь, поглотила жертву и замкнулась. Но из-за смещения она не замкнулась. Она застыла.

— Убийца ошибся?

— Нет. — Элиан покачал головой. — Убийца не ошибается в диаграмме восьмого порядка. Тот, кто способен построить «Печать разрушения», не ошибается в полярности нижнего сегмента. Это всё равно что профессор математики, который забыл таблицу умножения. Невозможно.

— Тогда зачем?

— Это подпись. — Элиан откинулся на спинку стула. — Убийца хотел, чтобы диаграмму нашли. Хотел, чтобы её изучили. Он оставил сообщение. И это сообщение гласит: «Я могу убить кого угодно и когда угодно. Но я не убиваю просто так. Я делаю это по своим правилам».

В кабинете повисла тишина. Грейв отошёл к окну, уставился на серую пелену дождя. Потом достал сигару, закурил.

— Ладно, — сказал он, выпуская дым. — С ошибкой понятно. Что там с пеплом? Ты сказал, он серый. Крейн сказал, что диаграмма активирована кровью оператора. Но если кровь оператора — почему пепел серый?

— Потому что это не кровь оператора. — Элиан подвинул к себе вторую пластинку. — И не кровь жертвы. И вообще не кровь.

Грейв обернулся.

— Ты хочешь сказать, что диаграмма восьмого порядка активирована без крови?

— Я хочу сказать, что не знаю, чем она активирована. — Элиан поднял на него взгляд. — Но я знаю, что стандартные методы активации здесь не работают. Если бы использовалась кровь жертвы — пепел был бы багровым. Если бы использовалась кровь оператора — самого лорда Хастингса — мы не нашли бы его тело в таком состоянии. Если бы использовалась коллективная активация — остались бы следы как минимум трёх разных операторов. Здесь — ничего. Серый пепел. Обычный. Как от камина.

— Может, это и есть каминный пепел?

— Камин не топили три дня. Я проверил. — Элиан достал из саквояжа крошечный пакетик. В нём была щепотка серой пыли. — Это образец с места преступления. Я взял его, пока эксперты Крейна не видели.

Грейв уставился на пакетик. Потом на парня. Потом снова на пакетик.

— Ты украл улику с места преступления. Под носом у магистра Крейна.

— Я не украл. Я позаимствовал. Для сравнительного анализа.

Грейв молчал секунд десять. Потом вдруг хмыкнул — и это был не злой звук, не скрип зубов. Это был смешок. Сухой, короткий, почти неуловимый. Но Вэнн его услышал.

— А ты мне нравишься, теоретик, — сказал Грейв. — Несмотря на то что ты меня бесишь. — Он вернулся к столу и сел. — Ладно. Что ещё?

— Ещё — почерк. — Элиан взял чистый лист и начал чертить. Быстро, уверенно, почти не глядя на пластинки. — Каждый практик, который строит диаграммы, имеет свой уникальный стиль. Это как почерк у каллиграфа. Угол наклона линий. Предпочитаемые пропорции. Способ соединения узлов. Я изучил диаграмму Хастингса. — Он протянул лист Грейву. — Вот основные характеристики. Теперь смотрите.

Он достал из саквояжа папку — ту самую, с делом №1147-В. Открыл, вытащил фотографию диаграммы из Пепловых кварталов.

— Это «Призыв пустоты», которую два года назад признали нерабочей. Я сравнил.

Грейв взял оба листа. Смотрел долго. Потом положил на стол.

— Я не вижу разницы.

— Её почти нет. — Элиан ткнул пальцем в одну точку на первом листе, потом на втором. — Угол сопряжения кривых в верхнем сегменте. У «Печати разрушения» — сто тридцать семь градусов. У «Призыва пустоты» — сто тридцать восемь. Разница в один градус. Но пропорция та же. Приоритет векторов — та же. Манера строить узлы — та же.

— Ты хочешь сказать, что убийца лорда Хастингса — тот же человек, который два года назад убил практика в Пепловых кварталах?

— Я хочу сказать, что диаграммы построены одним человеком. — Вэнн отложил грифель. — И этот человек не просто убийца. Он гений. Он строит диаграммы так, как я решаю уравнения. Для него это язык. Его родной язык.

Грейв потёр переносицу. Под глазами у него залегли тени — глубокие, серые, как пепел с места преступления.

— Значит, у нас серия. Два убийства с разницей в два года. Одно в Пепловых кварталах, другое — в Алмазных Холмах. Жертвы — практики. Диаграммы — сложные, модифицированные, с «ошибкой» -подписью. Активация — неизвестным способом. — Он замолчал. Потом добавил тихо: — И Крейн покрывал первое убийство.

— Необязательно покрывал. — Элиан покачал головой. — Может быть, он действительно ошибся. Диаграмма в Пепловых кварталах была замаскирована очень умело. Чтобы её распознать, нужно было думать не как эксперт, а как убийца.

— А ты, значит, думаешь как убийца?

Вэнн не ответил. Потому что правдивый ответ («я всегда думаю, как убийца, когда смотрю на диаграмму, это единственный способ понять, что она делает») прозвучал бы неправильно. А неправильные ответы в Третьем отделе могли стоить карьеры. Или жизни.

— Я думаю как математик, — сказал он наконец. — Для математика нет разницы между созиданием и разрушением. Есть только уравнение. И решение.

Грейв долго смотрел на него. Потом встал.

— Ладно, математик. Пиши отчёт. Всё, что ты мне сейчас рассказал, — на бумагу. В двух экземплярах. Один — мне, второй — в сейф. И никому ни слова. Особенно Крейну.

Элиан кивнул и потянулся за грифелем, но не успел.

Дверь кабинета распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. На пороге стоял клерк из Первого отдела — молодой человек в серой мантии, с растрёпанными волосами и безумным взглядом. В руках он держал кипу бумаг, которые грозили рассыпаться в любую секунду.

— Старший сыщик! — выпалил он, задыхаясь. — У нас пропажа! Документ! Важнейший!

Грейв даже не обернулся.

— Какой документ?

— Реестр зарегистрированных практиков за прошлый месяц! Исчез из архива! Никто не знает куда! Я обыскал все полки, все ящики, все...

— А я здесь при чём? — перебил Грейв. — Третий отдел не занимается канцелярскими потерями.

— Но вы же... Вы же Третий отдел! — Клерк явно не понимал, куда ещё идти. — Вы расследуете преступления! Пропаж документ — это преступление!

— Пропаж документа — это бардак, — отрезал Грейв. — Идите в свой Первый отдел и ищите лучше. А если найдёте вора — тогда приходите.

— Но...

— Вон!

Клерк исчез так же быстро, как появился. Дверь захлопнулась. В коридоре послышался удаляющийся топот и крики: «Я же говорил, надо было запирать архив! Говорил!»

Элиан выглянул за дверь. Клерк стоял у окна и лихорадочно перебирал свои бумаги, бормоча что-то под нос. Завидев Элиана, он вскинулся:

— Вы из Третьего? Вы можете?

— Я теоретик. Не сыщик. Но могу я спросить?

— Спрашивайте!

— Кто имел доступ к архиву?

— Только сотрудники Первого отдела. И... — Клерк осёкся.

— И?

— И магистры. Из Четвёртого. У них есть право запрашивать любые документы. Без согласования.

— Крейн?

Клерк побледнел и замотал головой.

— Я не могу... я не знаю... я ничего не говорил!

Он схватил свои бумаги и почти бегом бросился вниз по лестнице. Элиан проводил его взглядом. Крейн. Опять Крейн. Магистр четвёртого отдела имел доступ к реестру практиков. И реестр пропал именно тогда, когда произошло убийство. Не доказательство. Но ещё одна переменная в уравнении.

Грейв повернулся к парню, когда тот вернулся в кабинет.

— Видишь? Первый отдел. Регистрация и лицензирование. У них одна работа — бумажки перекладывать. И ту сделать не могут.

Элиан ничего не ответил. Он записал в блокнот: «Реестр практиков. Пропажа. Первый отдел». И подчеркнул.

Грейв направился к выходу, но остановился на пороге. Не обернулся.

— Я думаю, что Крейн знает больше, чем говорит. Я думаю, что он покрывал первое убийство — по незнанию или намеренно. И я думаю, что, если он узнает, как много ты уже понял, — ты станешь проблемой. А проблемы в Четвёртом отделе решают быстро и навсегда. — Он обернулся. — Поэтому сиди тихо. Считай свои уравнения. А я пока попробую перевести агрессию Четвертого отдела на себя.

Элиан снова кивнул и уже потянулся к писчим принадлежностям, когда в полдень башня запела.

Это случалось дважды в сутки — в полдень и в полночь, — когда ритмологи перенастраивали стабилизирующие контуры. Звук был низкий, утробный, похожий на гудение органа, и он прокатывался по городу волной — от Сердца Империи до самых дальних трущоб.

В Пепельных кварталах люди на секунду замирали — кто молился, кто просто ждал, когда стихнет. В Алмазных Холмах практики сверяли часы: точность настройки башен влияла на их ритуалы. В Портовой Сотне докеры плевали через плечо — там не любили магию, даже ту, что защищала их от бурь. А в Гнилом Углу на звук башни никто не обращал внимания — там были свои заботы.

Грейв привычно поморщился. Для него пение башни было просто шумом — ещё одним раздражителем в бесконечной череде раздражителей.

А в кабинете Третьего отдела Вэнн поднял голову от диаграммы и поймал себя на мысли, что он возможно единственный, кто слышит в этом звуке не шум, а ритм. Четыре такта. Семь обертонов. Если перевести в частоты — получится последовательность Фибоначчи, наложенная на логарифмическую спираль. Если сопоставить с ритмом его собственного сердцебиения...

Он одёрнул себя. Хватит. Музыка не должна быть уравнением. Иногда она может быть просто музыкой.

Гул стих. Грейв что-то проворчал про «чёртовых ритмологов» и вышел за дверь. Элиан наконец сел за свой стол и открыл папку.

Он посидел минуту, глядя на разложенные пластинки, но не успел даже начать что-то делать, как дверь хлопнула вновь. В кабинет стремительно, впрочем, как и всегда, ворвался Грейв.

— Чёрт. Забыл. — Он выдвинул ящик и достал тонкую папку. — Вот. Ещё одно дело. Не основное. Так, висяк.

Элиан взял папку. На обложке — штамп: «ДЕЛО №1203-Б. ЗАЯВЛЕНО 3 ОКТЯБРЯ. СТАТУС: ОТКРЫТО». Внутри — три страницы. Протокол заявления. Краткая справка. И ничего больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.